

Нижнекамские истории о любви

Борис Власов
Рифкат Гатупов
Олег Лукошин

Олег Лукошин

**3 Нижнекамские истории
о любви (сборник)**

«Accent Graphics communications»

2015

Лукошин О.

3 Нижнекамские истории о любви (сборник) / О. Лукошин —
«Accent Graphics communications», 2015

Это первый совместный сборник повестей нижекамских писателей Бориса Власова, Рифката Гатупова и Олега Лукошина, посвященный теме любви, верности, самоотверженности наших современников, вступающих в жизнь или уже уходящих из неё, пытающихся найти самих себя и друг друга в сложных жизненных ситуациях, построить отношения и занять своё место в обществе.

Содержание

Борис Власов	5
Рифкат Гатупов	17
Прелюдия	17
Глава первая	19
1	19
2	26
3	28
Глава вторая	31
1	31
2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Борис Власов, Рифкат Гатупов, Олег Лукошин

3 Нижнекамские истории о любви

Борис Власов Олег да Дарья

Это было прошлым летом. Я приехал по делам в Москву и задержался в ней на две недели. Стояла жаркая погода.

– Давай съездим к моему племяннику на дачу. В подмосковную деревню, предложил мне московский приятель, – Там речка есть, лес. Порыбачим, отдохнем, чистым воздухом подышим. Мой племянник – добрый малый. А жена его – просто прелесть, – продолжал уговаривать меня Михаил Семёнович, так звали моего приятеля, и я согласился. Мы решили выехать сегодня же, чтобы завтра, с раннего утра пойти на рыбалку.

К небольшой подмосковной деревне, спрятавшейся за густой зеленью садов, мы подъезжали, когда долгий летний день уже близился к концу. На востоке небо было еще голубым, а на западе оно укрылось длинным темным облаком, поразительно похожим на голову крокодила с раскрытой пастью. Усталое солнце так стремительно катилось вниз, что не успел я оглянуться, как оно вдруг скрылось за темной «головой» и только из широко раскрытой пасти вырывался сноп яркого, красно-желтого пламени. Мне невольно вспомнилась сказка Корнея Чуковского про то, как крокодил в небе солнце проглотил. Наверное, Корней Иванович тоже видел такую необыкновенную картину, подумал я.

– Смотри, какие большие тучи набегают, – озабоченно произнес Михаил Семёнович. – Видимо скоро погода переменится...

Я улыбнулся и промолчал.

Его племянник Олег, предупрежденный нами, что мы уже подъезжаем, ждал нас возле своего современного двухэтажного коттеджа, стоящего на краю деревни. Молодой человек мне сразу понравился. Высокий, атлетически сложенный, с приветливым лицом, на котором выделялись большие, светлые глаза.

– Олег! – с радушной улыбкой представился он. – Мне о вас рассказали.

– Родители приехали? – спросил дядя.

– Нет. Отец звонил – у мамы сердце прихватило. Завтра мы с Дашей поедem в Москву, а вас оставим одних.

– Ну ладно, – коротко вздохнул Михаил Семёнович. – Ты не расстраивайся! Это у нее от сильной жары. Ничего, пройдет... Веди, показывай свои хоромы.

– Проходите, пожалуйста. Только относительно хором ты сильно преувеличиваешь.

– Ладно, не скромничай... Не на ворованные деньги купил, а на честно заработанные. Ты знаешь, – обратился ко мне приятель, – Олег талантливый математик. Несколько лет в Америке работал. Там ему предлагали навсегда остаться, а он, видите ли, не захотел. В Россию, домой вернулся.

Я не понял, то ли он осуждал своего племянника, то ли гордился им. Скорее всего, тут было и то, и другое. Олег провел нас через широкую прихожую в уютную гостиную и усадил за накрытый стол.

– Между прочим, – оживился Михаил Семёнович, шутливо потирая руки. – Я по хорошей водочке соскучился! Верите – две недели спиртного в рот не брал. Если хотите знать, – он ловко откупорил бутылку и разлил водку по рюмкам, – рыба любит, когда от рыбака идет крепкий

запах спиртного. Она его даже сквозь толщу воды чувствует. Ну и отдохнем мы с тобой, дружище, подмигнул он мне. – По полной программе...

Через несколько минут, веселый и довольный, дядя спросил племянника:

– А что же ты свою жену нам не показываешь? Не бойся, не слазим!

Скоро в сопровождении Олега в гостиную медленно вошла среднего роста, стройная молоденькая женщина, с русой косой ниже пояса. Ее небесно-голубые, ясные глаза, опущенные длинными ресницами, смотрели на нас с явным смущением и в тоже время с тайным любопытством. И до того она была нежна и мила, что я в удивлении подумал только об одном: «Где же Олег смог найти такое сокровище, тем более в наше время?».

– Разрешите представить вам мою жену – Даша!

Олег смотрел на жену с нескрываемой любовью. Даша учтиво склонила перед нами светлую головку и тихо промолвила:

– Здравствуйте! Вы, пожалуйста, извините меня. Я себя плохо чувствую и поэтому не смогу посидеть с вами.

Она опять поклонилась нам и той же плавной походкой вышла из комнаты, уводя за собой мужа.

– Слов нет, – добродушно улыбнулся приятель, провожая Дашу долгим взглядом. – Ты знаешь, Олег дожил до тридцати двух лет и даже думать не хотел о женитьбе. Был убежденным холостяком. Пока Дашеньку свою не встретил.

– Ей в кино можно сниматься. Главных героинь в сказках играть, – сказал я.

– Ты что?! Знаешь, как Олег ее бережет? У нее аллергия на яркий солнечный свет. Разве он пустит ее на съемочную площадку? Между прочим, у него характер будь здоров. Не такой, как у нас с его отцом. Можешь себе представить – окончил школу с золотой медалью и в армию пошел. Ему, видите ли, испытать себя захотелось. Хорошо хоть, что потом сразу в институт поступил.

– Что-то вы много говорите и очень мало едите с дороги, – вернулся к столу Олег. Он налил нам полные рюмки и предложил: – Выпейте за удачную рыбалку. А я не могу – завтра за руль.

За оживленным разговором мы и не заметили, как быстро пролетело время. Вышли на открытую веранду освежиться, когда уже совсем стемнело. На темном небе тускло мерцали редкие звездочки. Легкий ветерок приятно освежал наши разгоряченные лица и наполнял легкие ароматным воздухом, в котором смешались запахи цветов и трав. Михаил Семёнович поднял голову и с тревогой сказал:

– Как небо-то заволочло... Завтра можно ждать сильного дождя.

– Все сохнет – дождь нужен, – сказал Олег.

– Да никто не возражает. Лишь бы мы порыбачить успели... Ладно, что будет, то будет...

Ты лучше расскажи Сергею Павловичу, как ты Дашу свою нашел. Это ведь очень интересная история.

Дядя обнял племянника и вдруг засмеялся: – Это ж надо! Поехал в деревню большую бабушку навестить и вдруг оттуда через три дня жену привез. Мы все в шоке были. Ну, ладно, рассказывай...

Олег не заставил нас долго ждать. Он стоял, скрестив руки на груди, и глядел вдаль, где зажглась цепочка жёлтых огней соседней деревни.

– Меня всегда почему-то интересовал вопрос судьбы, – тихо зазвучал его голос. – Помню, как, еще учась в школе, я спрашивал участников Великой Отечественной войны: «То, что вы остались живы, это судьба или результат знаний, накопленного боевого опыта?». И все как один отвечали мне, не колеблясь и ни сколько не задумываясь: «Это судьба!». Каждый из них приводил несколько примеров, когда он только чудом оставался в живых. Именно благодаря судьбе. С той поры я поверил, что у каждого человека есть своя судьба. Я рассказал это к тому,

что когда первый раз увидел Дашу, то сразу понял – это мне подарок судьбы. А дело было так..., – он немного помолчал, словно вспоминая подробности тех событий, потом снова начал рассказывать. – Два года назад, когда я только вернулся из Америки, мне приснилось, будто моя бабушка, мать моего отца, собралась помирать и зовет меня проститься. На самый дальний край соседней области, в затерянную среди лесов деревню Выселки. Мне, честно говоря, ехать не хотелось. Во-первых, это был всего лишь сон, во-вторых, у меня в то время были неотложные дела. Но встревоженные моим сном родители все-таки уговорили меня поехать. Сами они хотели дождаться от меня звонка и дальше уже действовать по обстоятельствам... Помню, был такой же жаркий день, когда я проезжал через большое село с красивой, отреставрированной церковью. От него до Выселок оставалось не более пяти-шести километров. Неожиданно я увидел в центре села новый желтый домик под зеленой крышей, с удивившей меня вывеской «Салон красоты». «Вот это да!» – воскликнул я про себя. – «А говорят, село вымирает...». Последний раз я был в этой глухомани лет десять назад и даже представить себе не мог, что здесь может появиться нечто подобное.

Дальше со мной произошло вообще что-то невероятное. Я вдруг, безо всякой причины, остановился и пошел в этот «Салон красоты». Несмотря на то, что в это время закапал дождь. Как будто какая-то неведомая сила повела меня туда. Я вошел внутрь домика, заглянул в зал и опешил. Словно видение увидел. В большой комнате, между парикмахерскими креслами, перед открытым окном стояла очаровательная девушка. Стройная, светловолосая, с русой косой ниже пояса. Одетая она была в легкую белую блузку и джинсовый сарафан. Услышав шум шагов, девушка повернула голову и устремив на меня вопросительный взгляд бесподобных, голубых глаз, устало спросила:

– Вы хотите постричься?

Я забыл обо всем на свете. Только машинально кивнул головой. В эту минуту я был готов выполнить любое ее желание. Я увидел в этой милой деревенской девушке воплощение какой-то заветной своей мечты. Мое сердце невольно дрогнуло. Помню, что стоял как столб и не знал, куда деть свои руки, вдруг ставшими совершенно лишними.

– Садитесь, – тихо сказала девушка и указала мне рукой на ближайшее кресло. Тут я впервые обратил внимание на неестественную бледность ее нежного лица.

– Вам плохо? – с тревогой спросил я.

– Нет, – отрицательно покачала она головой, – Не обращайтесь внимания. Просто я на солнце сегодня долго была. Как вас постричь?

– Постригите на свой вкус. Кстати, как вас зовут?

Девушка внимательно посмотрела мне в глаза и, чуть помедлив, ответила:

– Даша.

Не скрывая радости, я назвал себя:

– Олег! Очень приятно с вами познакомиться.

– Вы пришли сюда постричься или познакомиться? – В голосе Даши прозвучало почему-то сожаление. Я ни с того, ни с сего брякнул:

– А я и сам не знаю, что привело меня сюда.

– Вот как? – удивленно распахнула свои глаза-озера Даша. – Разве такое может быть с трезвым человеком?

– Значит, может, – вздохнул я и встретился в зеркале с ее взглядом.

По тому, как она, внезапно покраснев, быстро опустила глаза, мне стало понятно, что Даше я тоже понравился. В моей душе, как говорит мама, запели соловьи. И я рассказал Даше кто я, откуда, куда и зачем еду. Причём сам не заметил, как стал настолько болтливым. Со мной раньше никогда такого не было, и быть не могло. Она терпеливо выслушала меня, но промолчала. Только в её взгляде я увидел сочувствие. Не в силах выдержать возникшее молчание, я поинтересовался, работает ли в селе клуб и есть ли молодежь.

– Клуб у нас работает. Его недавно отремонтировали и крытую танцплощадку пристроили, – ответила Даша, ловко работая ножницами и старательно избегая встречи взглядами. – Молодежь тоже у нас есть.

– Говорят, что на селе деньги не платят.

– У нас вовремя зарплату дают. Раньше здесь колхоз был, а теперь сельхозкооператив. Такой же крепкий. Наш председатель молодой и не пьющий. Все для людей старается. Раньше мы молоко в город возили, а теперь сами перерабатываем. Это же выгодней. Наши молочные продукты знаете, какие вкусные! – разговорилась Даша и тут же покраснела, поймав мой взгляд.

– Даша! Сегодня у вас будет дискотека?

– Сегодня у нас какой день? Суббота!?! Значит, будет.

– А вы придете? – с волнением спросил я, следя по зеркалу за выражением ее лица.

– Я? Не знаю, – смутилась она и поспешно добавила: – Все. Стрижка окончена. Вам нравится?

– Да, – с запинкой произнес я, разглядывая свою коротко остриженную голову и думая о том, что если понадобится опять прийти сюда, чтобы увидеть Дашу, то стричься придется уже наголо.

Разглядывая себя, я заметил в зеркале другое девичье лицо. Очень любопытное и ярко накрашенное.

Даша с какой-то опаской оглянулась назад и, видя, что я не тороплюсь вставать, тихо попросила: – Не задерживайтесь, пожалуйста.

Расплачиваясь с ней за стрижку, я взял ее за руку и с волнением попросил:

– Даша! Приходите, пожалуйста, на дискотеку. Я буду вас ждать...

Даша вся вспыхнула и мгновенно отдернула руку, словно ее ударило током. Потом умоляюще прошептала:

– Хорошо! Только уходите, пожалуйста!

Я с иронией подумал, видел бы меня сейчас кто-нибудь из моих друзей. Меня, которого все считали неподдающимся никаким женским чарам.

По дороге к бабушке, с волнением вспоминая чуть не каждую минуту, проведенную у Даши, я всё пытался отгадать, сколько же ей лет. Девятнадцать? Двадцать? Как оказалось впоследствии, я ошибался. Ей исполнилось уже двадцать четыре.

Бабушка моя, Анфиса Федоровна, оказывается, и не думала помирать. Сухонькая, сгорбленная, но шустрая и деловая, она обладала той неиссякаемой жизненной силой, которая, по понятной причине, в основном свойственна сельским жителям. За свою жизнь она никогда не была у ни одного врача.

Я увидел бабушку, выходящую с пустым ведром из сарая. И настолько обрадовался, что вижу ее живой и здоровой, что не выдержал и во весь голос закричал:

– Привет, бабуля!

Бабушка от испуга выронила ведро, и оно со звоном упало на сухую землю.

– Ты чего разорался, как Леший на болоте?! Аж, сердце зашлось! – рассердилась она.

Я сгреб ее в охапку и прижал к себе, не находя слов от радости.

Ближе к закату солнца, когда я собрался идти в село на дискотеку, в бабушкин дом пришел мой двоюродный брат Анатолий, по кличке Толян. Он был на три года моложе меня, но уже успел обзавестись женой, двумя детьми и своим хозяйством. Толян жил на другом конце Высепок вместе с со своей матерью в просторном пятистенном доме. Его отец, младший брат моего отца умер три года назад от запойного пьянства. Мне родители рассказывали, как Анатолий дал клятву над могилой отца – проклятую водку больше в рот не брать.

– Ты куда намыливаешься? – с подозрением спросил Толян, глядя, как я посматриваю на часы.

– В село хочу сходить. На дискотеку, – уклончиво ответил я.

– Девку, что ли, какую успел приглядеть? Ну, ты даешь! Но учти – тут тебе не Москва и не Америка. Смотри, как бы бока не намяли, да по башке не настучали! У нас это запросто, особенно чужаку. А мне потом отвечать за тебя перед твоим отцом.

Долговязый, длиннорукий Толян, как все люди, обладающие большой физической силой, был нетороплив в движениях, держался степенно и смотрел на меня, ученого, с явным превосходством.

– Что же, с красивой девушкой и потанцевать нельзя? – спросил я с интересом.

– Ну почему же? Потанцевать можно..., – сделал он выразительную паузу. – Только смотря, как будешь вести себя потом. Все хорошие девки у нас давно присмотрены. За ними по пятам ходят. Дожидаются, когда замуж согласятся выйти за них.

– Ну, а если девушка не захочет выйти за того, кто за ней по пятам ходит? Может, ей кто-то другой понравится?

– Ты знаешь, места у нас тут глухие, болотистые. Можешь пойти в лес и запросто оттуда не вернуться. Любая собака потом хрен найдет. Понял?!

– Ты куда это собрался на ночь глядя? – с удивлением спросила меня бабушка. – Я вам поесть хотела подать.

– Я, бабуля, хочу к Толе в гости сходить. Может, и заночую у него, – ответил я ожидая, что бабушка станет возражать. Мол, только приехал и уходишь от меня. Но она неожиданно сразу согласилась.

– Сходи, сходи! На детишек его посмотришь. Такие шустрые стали ребятки. Спасу от них нет. А Анатолий теперь у нас не пьет, – с гордостью добавила она. – Теперича он всегда трезвый.

Толян неодобрительно покосился на меня, но промолчал. Я вынул из сумки и преподнес ему подарок – складной нож в кожаном чехле. Он раскрыл его, попробовал ногтем остроту лезвия и с уважением произнес:

– Хорошая штука! Американский?

– Швейцарский, – сказал я, с удовольствием наблюдая за выражением его лица.

– На Западе хорошо, а у нас все же лучше. Там ведь задаром никто тебе куска хлеба не подаст.

– И там добрые люди есть...

– Ладно, пошли, – прервал он меня. – Только смотри, чтобы к ночи дома был. Чтобы я не бегал по всем кустам тебя искать. Дорогу-то через лес помнишь?

– Пока еще не забыл, – насмешливо ответил я. В сельский клуб я ходил в детстве и юности смотреть кино. И этого Толика еще брал с собой.

– Если чижало будет – уноси ноги, – дал он напоследок мудрый совет. Я улыбнулся. Почему-то в Выселках вместо «тяжело» все говорили «чижало». И у моего отца нет-нет, да и проскочит это словечко.

К зданию клуба и недавно пристроенной к нему танцплощадке, в виде просторной дощатой террасы, я подошел, когда в небе алым пламенем разгорелась вечерняя заря. Костер зари разгорался все ярче и ярче. Скоро языки пламени охватили половину небосвода. Создавалось впечатление, будто возник вселенский пожар. Я закурил и внимательно посмотрел по сторонам. Даша не пришла. Я решил немного подождать, с интересом наблюдая за танцующими. «Ты морячка – я моряк; ты рыбачка – я рыбак», несло по всему селу. Неожиданно передо мной возникла худенькая, ярко накрашенная девушка с острым носиком, похожая на подростка. Лицо этой девушки показалось странно знакомым.

– Вы Дашу ждете? – неприязненно спросила она и, не дожидаясь ответа, сказала: – Не ждите! Она не придет!

В словах девушки прозвучала какая-то враждебность. Провожая ее недоуменным взглядом, я увидел, как она подошла к двум парням и начала им что-то объяснять, указывая на меня пальцем. Парни выслушали ее и тут же направились в мою сторону. Я спокойно ждал, заложив руки в карманы джинсов, и делал вид, что не обращаю на них внимания. Они быстро подошли ко мне. Один приземистый, толстошей, словно бычок, молча «буравил» меня маленькими прищуренными глазками. Другой – с меня ростом, вертлявый, нагло улыбался, показывая блестящие металлические коронки. Одним словом, с такими типами лучше не встречаться где-нибудь, безлюдном переулке. Я знал, главное – не дрогнуть. Нельзя показывать свой страх. Если увидят, что ты испугался – все! Сомнут, будут издеваться как захотят.

– Ты давай линяй отсюда, пока цел, – процедил сквозь зубы вертлявый. – И про Дашку забудь. Понял?

Я вдруг ощутил, как во мне вырастает волна злости к этой наглой, самодовольной роже, уверенной, что перед ней у каждого задрожат коленки.

– А ты меня не пугай, – глубоко вдыхая воздух, чтобы сдержаться, ответил я.

– Меня не такие, как ты, пугали. Я буду поступать так, как сочту нужным.

– Ладно! Кончайте базар, – недовольно сказал «бычок». – Считай, что мы тебя предупредили.

Я заметил, как в глазах вертлявого сначала промелькнуло растерянное удивление, а потом блеснула злоба. Они ушли, а я остался стоять на месте, с облегчением переводя дыхание после нервного перенапряжения. «Конечно, глупо было надеяться, что Даша придет на свидание. Больше здесь делать нечего, надо идти домой», – подумал я.

Я шел по селу, наслаждаясь вечерней прохладой после дневного зноя. Мысли мои вновь устремились к Даше. «Зачем она послала эту девицу? Что это значит?» – терялся в догадках. Я настолько глубоко задумался, что не обратил внимания на догоняющий меня шум шагов. Внезапно острая боль пронзила затылок. Перед глазами вспыхнула россыпь огненно-желтых искр и погасла. Когда я пришел в себя, то долго не мог понять, где же нахожусь. Меня окружали жуткая тишина и темнота ночи. Только изредка хриплый лай собак разрывал тишину в клочья. С высоты неба на меня сочувственно глядела полная луна. Оказалось, что я лежу на траве, возле какого-то забора. Я сделала попытку подняться, и прикусил губу от тупой боли в голове. Осторожно прикоснулся к затылку и почувствовал что-то липкое. «Кровь!» – догадался я и наконец вспомнил, что со мной произошло. Кое-как все-таки поднялся, преодолевая боль, затем побрел наугад по дороге, пошатываясь, будто пьяный. «Размечтался, идиот несчастный, и бдительность потерял, – ругал я себя. – И вообще, зачем поперся в село, как последний дурак. Стыдно будет перед братом показаться. Тоже мне, солдат спецназа. Самоуверенный болван»...

Выйдя на окраину села, я остановился в глубоком раздумье. Дорога раздваивалась – то ли налево идти, то ли направо? В темноте определить было невозможно, а идти знакомым, коротким путем через лес бессмысленно. Я оглянулся на село, ни в одном доме не светились окна. Да и вряд ли кто-то открыл бы дверь глубокой ночью. Пришлось идти наугад.

К дому брата я подошел с первыми проблесками утренней зари, совсем обессиленный. В задней половине дома горел свет.

– Ты где шлялся? Мы из-за тебя всю ночь не спали! – накинулся на меня Толян. Я молча рухнул на диван.

– Господи! – встревожено воскликнула его мать, тетя Надя, заметив, что я держу на голове окровавленный платок. – Да ему, поди, башку пробрили! Доходился!

Она быстро осмотрела мою голову и успокоилась:

– Слава тебе, Господи! Кость цела...

Тетя Надя сделала мне перевязку, когда-то она работала медсестрой, пока не закрыли местный медпункт, и ушла в свою комнату.

– Давай рассказывай, как это случилось, – сердито сказал Толян. Я откровенно рассказал ему и про встречу с Дашей, и про то, что произошло дальше.

– Это тебя только попугали. А могли и запросто прибить. Никто ничего не видел и не слышал. Я же тебя предупреждал по-хорошему! Ты вот что, – он отвернулся в сторону. – Навестил бабу и сматывайся отсюда подобра-поздорову. И про Дашку забудь! Понял? У нее через неделю свадьба. На ней этот толстый Колян женится. А с железными зубами – это ее сводный брат Мишка. Девка, которая к тебе подходила – Коляна сестра, понял? Дашка, может, и хотела прийти, да не могла. Ты приехал и уехал, а ей здесь жить. Мишка-то два раза в тюрьме сидел, с ним вообще никто не связывается. Он с отцом Дашку за мотоцикл с коляской Коляну продал. Тут тебе не Москва!

– Она же не любит этого Коляна!

– Любит – не любит, – усмехнулся брат и посмотрел на меня, как на малыша из детсада. – Её никто и не спрашивает. Отчим у нее, знаешь какой? Как напьется – зверь! На одну руку наматывает Дашкину косу, а другой прихлопнет как муху. К ней до этого столько ребят сваталось – она всех отшила. А теперь её заставят. Колян-то постоянно Мишку с отцом водкой поит. Так что уезжай отсюда от греха подальше. Дашке ты только хуже сделаешь. И сам можешь сгинуть.

Я смотрел на Толяна так, словно видел его впервые. Но осуждать не имел права. Он мое молчание истолковал, как знак согласия с ним и повеселел:

– Повидались, и хорошо... Я тебя как брата прошу – уезжай сегодня же!

Стоило мне закрыть глаза, как передо мной вдруг появилась Даша. Чистая, нежная, с невыразимой печалью в глазах. Она склонилась надо мной и пыталась что-то сказать, но ее губы шевелились без звука, словно в немом кино.

– Ты чего в такую рань пришел? – удивилась бабушка. – Али с Анатолием поругались?

– Нет, бабуля. Просто не спится.

– Женить тебя пора. Не знаю, куда твои родители глядят, – покачала она головой.

– Еще успею, бабуль, жениться. Какие мои годы, – отшутился я и с любовью погладил бабушку по согнутой спине.

– Ладно, бабуля. Я пойду прилягу, может все-таки засну.

– Иди, касатик мой. Я тебе мягкую постельку приготовила. Да, а чтой-то у тебя голова перевязана? – обеспокоено спросила бабушка, когда я снял соломенную шляпу, взятую у Толяна, чтобы не напугать бабушку.

– Споткнулся и упал.

– Ну, ничего, до свадьбы заживет, – успокоилась она. – Надюха у нас в медицине понимает.

Боль в голове стихла, и я проспал до обеда. За время сна мои силы полностью восстановились. Все мое существо было готово к самым активным и решительным действиям. Я убежден – наиважнейшие решения в жизни человека принимаются во сне, на уровне Высшего разума и внедряются затем в наше сознание. Недаром говорят: утро вечера мудренее. Я встал с постели с твердым убеждением, что никуда не уеду, пока не встречу с Дашей. Единственная проблема состояла в том, как сделать это незаметно для чужих глаз, чтобы не навлечь на девушку беду.

Интересно, что дальше я действовал почти машинально, словно выполняя заложенную в меня программу. Быстро попрощавшись с бабушкой, расстроенной скорым отъездом любимого внука, я бросил в багажник машины объемистую сумку с деревенскими гостинцами и поехал в село. Отчетливо при этом сознавая, что независимо оттого, как дальше сложится моя жизнь, образ Даши навсегда останется в моем сердце. В пути я мучительно думал о том, как же встретиться с ней и не мог ничего придумать. И вдруг, увидев при въезде в село здание школы, меня осенило! Заехав в открытый школьный двор, я с радостью поблагодарил отца за настоятельный совет ехать к бабушке на его старых «Жигулях». На мою запыленную «Шестерку» никто не обратил никакого внимания. Ни играющие на школьном стадионе в футбол пацаны,

ни редкие прохожие. Понаблюдав несколько минут за игрой, я подозвал одного мальчишку лет 9-ти, с обиженным видом следящего за игрой более старших ребят, и, с видом заговорщика, спросил:

– Ты умеешь хранить тайну?

– А какую? – с жадным любопытством спросил пацаненок.

– Любую. Всякая тайна важна. Ну, например, нужно передать записку одной девушке, с длинной косой, которая работает в парикмахерской. Передать надо так, чтобы никто не заметил. И никому-никому об этом не говорить.

– Это Дашке что ли? – В глазах мальчишки возникло разочарование. – Подумаешь, какая тайна!

– Самая настоящая тайна, – убедительно сказал я. – Если сделаешь, как надо, то получишь приз.

Я показал ему перочинный ножике набором блестящих лезвий и маленькими ножницами.

– Давай записку! – вновь заблестели у него глаза. – Я мигом сбегая.

– А как зовут-то тебя?

– Иван! – с важностью ответил пацаненок, нетерпеливо переступая босыми ногами и не сводя глаз с ножика.

Я отдал Ивану приготовленную записку, где было написано: «Даша! Я жду тебя в машине на школьном дворе. Олег». Иван тут же убежал, только пятки замелькали. Теперь оставалось надеяться только на то, что судьба меня не подведет. Я хорошо понимал, чем может кончиться моя затея, попади записка в руки друзей жениха или его самого. Но я был готов на все ради встречи с Дашей. Кроме того, в моей душе загорелся слабенький огонек надежды вдруг Даша согласится стать моей женой, и тогда я увезу ее с собой в Москву. От волнения у меня даже ладони вспотели. Чтобы хоть немного успокоиться, я непрерывно сжимал и разжимал пальцы рук. Никогда еще так медленно не тянулось время. Вдруг голос Ивана тихонько окликнул меня:

– Дяденька! Дашка велела передать, что скоро придет. Закончит Мишку стричь и придет. Давай ножик!

– А ты никому про записку не сказал?

– Вот те крест! – видимо, подражая кому-то из взрослых, побожился Иван. – Хочешь, землю есть буду?

– Не надо. Я тебе верю. Держи!

Обрадованный, что пока все получается удачно, я отдал Ивану обещанную награду, с удовольствием наблюдая, как его лицо преобразилось от счастья.

– Если кто-то спросит, скажешь – нашел! – крикнул я ему вдогонку. «Согласится или не согласится? Да или нет?» – с волнением думал я. По мере того как время шло, волнение все возрастало. Я даже не заметил, как Даша подошла к машине. Увидел ее только тогда, когда она открыла дверь и села на заднее сиденье.

– Здравствуй, – едва вымолвил я, чувствуя, как неистово колотится сердце.

– Они же могли тебя убить, – Даша прикусила верхнюю губу, еле сдерживая слезы. Я посмотрел на ее побледневшее лицо, ставшее для меня самым дорогим на свете и, повинувшись внезапному порыву, взял Дашину руку и прижался к ней губами. Она другой рукой ласково и осторожно провела по моей голове, говоря сквозь набегавшие слезы:

– У тебя после моей стрижки совсем волос не осталось. Где же ты раньше был? Я столько тебя ждала, – с болью вырвалось у нее.

Я скинул голову и заглянул в голубую бездну Дашиных глаз:

– Даша! Я люблю тебя! Поедем со мной в Москву. Я прошу тебя – стань моей женой! Выходи за меня замуж. Уедем прямо сейчас! Не откладывая...

– Ты хочешь взять меня в жены в одном старом платье и почти босую? – с иронией спросила Даша, грустно улыбаясь. Не о том, конечно, мечтала она.

– Дашенька! Любимая! У нас будет настоящая свадьба. Ты будешь самой прекрасной невестой на свете. В самом красивом свадебном платье. Я тебе клянусь!

Даша на несколько секунд отвернулась, и плечи ее стали мелко вздрагивать. Я вновь взял ее руку и поцеловал. Она повернула заплаканное лицо и долго-долго смотрела в мои глаза. Неожиданно ее лицо просветлело от улыбки:

– Ты сколько раз признавался в любви?

– Честное слово, сегодня первый раз в жизни, – искренне признался я и, кажется, покраснел, точно влюбленный юноша. Дашины глаза, обрамленные длинными ресницами, широко распахнулись. Ее словно в живую воду окунули. Прежде поникшая, она вдруг неузнаваемо преобразилась, яркий румянец выступил на щеках, а в глазах возникли завораживающие огоньки. Я не мог оторвать глаз от нее.

– Ты будешь всегда так смотреть на меня? – счастливо улыбаясь, спросила она. Я, молча в знак согласия, склонил голову. Дашина теплая, мягкая ладошка коснулась моей щеки.

– Я сейчас схожу домой и скажу маме, что поеду в город, к тете. Скоро автобус должен прийти. Потом переоденусь, возьму свои документы и приду. А ты жди здесь и из машины не выходи.

Даша одарила меня нежной улыбкой и, оглянувшись по сторонам, торопливо ушла. Помоему, не стоит говорить, как ликовала моя душа, как радостно билось сердце. Первый раз в жизни я чувствовал себя по настоящему счастливым человеком.

Минут через двадцать Даша вернулась, одетая в нарядный брючный костюм, с небольшой сумкой в руке и мы, не теряя времени, все-таки наша тайна могла раскрыться в любой момент, вырвались из села на прямую дорогу к городу. Прямую дорогу к нашей будущей совместной и счастливой жизни. Даша сидела рядом, притихшая и изредка поглядывала на меня испытывающим взглядом.

– А как твои родители отнесутся к моему приезду? – с тревогой спросила она.

– Не волнуйся, – ласково погладил я ее руку. – Они у меня хорошие. С радостью примут тебя.

– Знаешь, давай все-таки заедем к моей тете Зине. Я не хочу, чтобы меня считали без вести пропавшей.

Когда Даша рассказала, что тете Зина очень добрая, работает она заведующей районным ЗАГСом, у меня возникла замечательная идея.

– Как ты смотришь на то, если мы попросим тетею Зину зарегистрировать наш брак? Сегодня, конечно, не получится. Но, может, завтра?

– Не знаю, сможет ли она? – неуверенно ответила Даша. – Ведь свидетели нужны и существует определенный срок со дня подачи заявлений.

– Свидетели не проблема. Можно попросить тех, кто придет подавать заявления. Один мой друг так тайно расписался. Главное, чтобы твоя тетя согласилась сделать это в порядке исключения.

– А мое согласие не требуется? – лукаво посмотрела на меня Даша.

Я начал притормаживать машину.

– Ты хочешь остановиться? – удивилась она.

– Да, хочу встать перед тобой на колени и попросить твоего согласия, улыбнулся я.

– Не надо останавливаться. Я согласна выйти за тебя замуж. – Даша покраснела и прижалась головой к моему плечу. Я все-таки остановил машину, и мы первый раз поцеловались. Потом я целовал ее губы, глаза, щеки. Она закрыла глаза и счастливо улыбалась, несмело отвечая на мои поцелуи. Я не знаю, сколько бы времени это продолжалось, если бы Даша не опомнилась первой.

– Олечка! Так мы с тобой никогда не доедем.

Она первый раз ласково назвала меня – Олечка. До этого никто меня так не называл, кроме мамы. От волны нежности, захлестнувшей меня, даже прихватило дыхание.

– Поехали! – попросила Даша. – Я все-таки боюсь, что нас могут перехватить по дороге.

– Теперь пусть попробуют сунуться!

Даша посмотрела на меня и задумалась. После некоторого молчания, глядя на стремительно летящую под колеса дорогу, она тихо сказала:

– Мы ведь ничего не знаем друг о друге. Поэтому я хочу, чтобы ты рассказал о себе.

Я пожал плечами. – Не знаю, что конкретно тебя интересует, но попробую. Характер, в общем-то, у меня спокойный. По образованию и по профессии я математик. Работаю в академическом институте. Получаю весьма скромную зарплату. Пока живу вместе с родителями.

– А ты был женат?

– Нет, не был, – улыбнулся я в ответ. До сих пор был убежденным холостяком. Теперь ты не изменила своего решения выйти за меня замуж?

– Нет, – ласково посмотрела на меня Даша. – Я согласна выйти замуж за скромного математика, если он обещает любить меня всю жизнь.

– Это я тебе обещаю, – твердо и уверенно ответил я.

– Ты налетел на меня как ураган, закружил и унес. Мне даже во сне такое не снилось, – улыбнулась Даша.

– А ты любила кого-нибудь? – с деланным равнодушием спросил я.

– Любила. Одного красивого мальчика...

Даша взглянула на меня и, видя, как тень пробежала по моему лицу, засмеялась. – В пятом классе. А потом он с родителями уехал из села, и я его больше не видела. Я после школы поступила в техникум легкой промышленности в нашем городе. Потом работала на фабрике художником по тканям. Когда фабрику закрыли выучилась на парикмахера и вернулась в село. Тебя устраивает такая будущая жена?

– Вполне, – я обнял ее свободной рукой за плечи и осторожно спросил:

Даша! А если бы мы не встретились, тебя заставили выйти замуж за Коляна?

– Нет, – отрицательно покачала она головой. – Я уже готовилась покончить с собой, только что-то меня все удерживало до последней минуты. Теперь я поняла что! – она прижалась щекой к моей руке и замолчала.

Через несколько минут Даша снова заговорила:

– Я всегда мечтала о настоящей любви! Помню, в восьмом классе я прочитала книжку про жен декабристов и позавидовала им – какая у них была необыкновенная любовь. За своими любимыми они пошли на каторгу, на верную гибель. И тогда я решила – никогда не выйду замуж за нелюбимого человека. Ты знаешь, – посмотрела она на меня с улыбкой. – Я когда увидела тебя, то вначале испугалась. Мне очень похожий на тебя человек несколько раз снился и вдруг ты появляешься. Я знаю, тебя мне бог послал, потому что я столько настрадалась..., – она недоговорила и прикусила губу.

Тетя Зина действительно оказалась доброй женщиной. Оглядев меня долгим, любопытным взглядом и внимательно выслушав нас, она неожиданно легко согласилась нам помочь.

– Так и быть. Я распишу вас. И свидетелей найдем. Только смотрите, не забудьте потом меня на свадьбу пригласить.

– Что вы, тетя Зина, – растроганно сказал я. – Мы с Дашей вам первой пришлем приглашение.

Даша весело улыбалась, очень довольная тем, что я с первого взгляда пришелся ее любимой тете по душе.

Через три дня мы приехали в Москву мужем и женой. Родители, конечно, сначала были страшно удивлены. Но мама сразу нашла с Дашей общий язык, та ей очень понравилась. А отец сказал мне через несколько дней:

– Ты, парень, попал в хорошие руки. Береги ее.

Олег глубоко вздохнул и посмотрел на нас с виноватой улыбкой:

– Вы извините – я вас оставлю.

Он ушел. Мы с Михаилом, остались одни. Немая тишина окружала нас. Даже собаки почему-то замолчали. В воздухе появилось ощущение какой-то неясной тревоги и настороженности. «Пожалуй, завтра погода точно переменится», – подумал я и с недоумением заметил, как вдруг изменился мой приятель. Он неожиданно сделался печальным и задумчивым. Видимо, какие-то нерадостные мысли охватили его. Думая, что мне теперь лучше уйти, я сделал попытку тихо удалиться. Но он движением руки остановил меня:

– Побудь со мной еще немного...

И глубоко вздохнул.

– Знаешь, ведь со мной в молодости тоже произошла подобная история, Я тогда только из армии вернулся. Устроился на работу в Москве, поступил в вечерний институт, а домой в деревню приезжал раз в месяц. И вот как-то случайно, я познакомился с одной девушкой из соседней деревни. Вместе на поезде из Москвы ехали. Не сказать, чтобы такая уж красавица, но довольно симпатичная, веселая и обаятельная. Она в колхозном клубе работала после окончания культпросвет училища. В общем, влюбился я в нее без памяти. Да и она в меня тоже. Такая любовь между нами вспыхнула, я думал, что сгорю в ней со всеми потрохами! Обо всем забыл, даже учебу забросил. Веришь, выходного дня дожждаться не мог. А раньше до деревни приходилось добираться на перекладных. Поездом, два раза автобусом, потом пешком ещё пять километров. В общем, к вечеру в субботу доберешься, а утром в воскресенье обратно, чтобы в понедельник с утра быть на работе. Вот так, перевел он дыхание и сделал небольшую паузу. – Продолжалось почти два месяца... А она, оказывается уже просватана была. За одного местного лесника. Он на пять лет был меня старше. Щупленький такой, угрюмый, как бирюк. Но родители у него по тем временам были богатые. Отец его торговлей лесом занимался в леспромхозе. Мне бы тогда взять, да увезти ее, как Олег, в Москву. Устроить на работу. Она на любую работу согласна была. Сняли бы частную. А я, дурак, решил дожждаться обещанной мне комнаты в общежитии. Я тогда на стройке работал, вкалывал до седьмого пота. Молодой был, здоровый... Тем временем бывший жених ее, лесник этот, меня люто возненавидел. Видимо, он тоже ее сильно любил. Меня предупреждали дружки его, да я всерьез их угрозы не воспринимал. Мимо ушей пропускал. Думал, все обойдется. Но не обошлось... Помню, четверо их было. Видимо, он им хорошо заплатил. Перехватили они меня ранним утром на дороге, увели подальше в глухой лес, да привязали к дереву. И так оставили на целый день.

– Как это они могли тебя схватить? – удивился я. – По-моему, ты один мог их раскидать.

– Против лома нет приема, – усмехнулся приятель. – Дали сзади по голове, я и отключился. Вначале они по-мирному разговор начали. Короче, очнулся я привязанным к дереву. Ты не можешь себе представить весь тот ужас, который я тогда испытывал. Рядом с деревом находился огромный муравейник, и эти твари – муравьи, крупные, я еще таких не видел, ползали по всему телу. Я думал – ну всё! В конце концов, они меня сожрут. Эти сволочи, что к дереву привязали, даже рот мне не заткнули. Знали, что орать тут бесполезно. На несколько километров – ни одной живой души. Поздним вечером, когда я уже совсем до отчаяния дошел, они приехали. Все с ружьями, отвязали меня и велели про неё забыть, если ещё хочу остаться в живых. Я, честно сказать, не выдержал этого испытания. Прямо надо сказать, струсил. Стал убеждать себя, что еще, мол, молодой – вся жизнь впереди. А пока жениться рано. И, в общем, перестал я туда ездить. Думал, со временем всё забудется. А потом оказалось, что я жестоко ошибся! Как ни старался, так и не смог ее забыть. Да было уже и поздно,

она вскоре от обиды вышла замуж. А я так и не смог свою жизнь устроить. Женился раза три, да что толку? Не выходила та, первая, из головы. Так и живу с тех пор один, как ты знаешь. Никому раньше про это не рассказывал. Стыдно было в своей трусости признаться.

– А где твоя бывшая возлюбленная сейчас, не знаешь? – с сочувствием спросил я.

– Там же. В той деревне, где и жила. Давно, между прочим, вдова. Муж у ней умер от воспаления легких. Один сын у нее погиб в Афганистане. Другой служит моряком на Дальнем Востоке. Насколько знаю, живет она одна с своей матерью. Я иногда приезжал в родные места и издали смотрел на нее. А близко подойти, тем более заговорить, духу не хватало. Знаю, не простила она меня. А так, если бы хоть какая-то надежда была... Но я точно знаю, надежды нет и быть не может.

– А я думаю, что если ты всё ещё любишь её, то надо обязательно поехать к ней и поговорить! Тебе же есть, что ей сказать.

– А ты, пожалуй, прав! – встрепенулся Михаил Семёнович. – Я и сам думал об этом не раз, да все какого-то толчка не хватало. Пусть будет, что будет! – оживился он. – Обязательно съезжу к ней.

На следующий день с раннего утра полил сильный, затяжной дождь и мы решили уехать вместе с Олегом и Дашей... Потом я не видел своего приятеля больше года. А недавно опять встретился с ним в Москве.

– Как там молодые поживают? Олег да Дарья? – с нетерпеливым любопытством спросил я.

– Хорошо живут, – улыбнулся он. – Они сейчас в Америке. Олег все-таки опять уехал. К сожалению, его тему в институте закрыли, как всегда – из-за отсутствия средств. Для содержания чиновников, которых сейчас в России больше, чем в советские времена, деньги всегда находятся, а для науки – нет. Так вот у нас самые талантливые, молодые «мозги» и утекают за границу. Кстати, чуть не забыл, у них дочка родилась. Знаешь, копия отца!

– Ну что же, я рад за них. При случае передавай от меня Олегу большой привет. Ну, а сам – то ты как? Что-то изменилось в твоей жизни?

– Да нет, – смущенно покачал головой приятель, сразу поняв, о чем я спрашиваю. – Ничего не изменилось. У меня так и не хватило духу поехать к ней. Не могу в глаза ей посмотреть... Видно, не судьба нам... – Он, не закончив фразу, отвернулся в сторону.

Я промолчал. Да и что я мог сказать? Что судьба судьбой, а человек человеком?

Рифкат Гатупов Любовный роман

Прелюдия

«Жизнь не хочет невинности.

Каждая жизнь вынуждена стать виноватой...»

Ганс Фалла да.

«У нас дома в далёкие времена».

На улицах был ветер.

Он то закручивал недавно выпавший снег, густо лежащий на земле, вверх и осыпал им голые ветви заснувших деревьев, то вдруг, внезапно свирепея, бросал его прямо в лицо людям, идущим по дороге.

Ничто не мешало ветру гулять по заснеженным улицам и проноситься со скоростью урагана через весь город в пустынные просторы полей.

Город лежал в низине, прямо на юго-запад от него, километрах в пяти лежал большой нефтехимический комбинат, строительству которого, начавшемуся в начале шестидесятых годов, и был обязан город своим рождением. Да и не только рождением, но и своей свободной планировкой, ибо он был открыт всем ветрам и продувался буквально насквозь, благодаря чему в городе практически не чувствовался тяжёлый запах газа. Над химкомбинатом, называемым в просторечии «химдым», вечно стояло облако дыма, который, однако, рассеивался в воздухе, не доходя до города. Правда, иногда дым и запах газа чувствовались и в городе.

Километрах в семи, по северной стороне, протекала река, не то чтобы большая, но явно и не маленькая, которую всегда отмечали на географической карте, иногда с названием, иногда без оно. Она, в свою очередь, впадала в другую реку. А та была много больше, значительнее и многоводнее. Это была известная на весь мир река, по берегам которой стояли большие города, вошедшие не только в историю страны, но и в жизнь каждого человека. Река эта, как всем известно, впадает в Каспийское море.

Город находится в километрах сорока, если ехать по шоссе, от своего знаменитого соседа, превзошедшего его в последнее время своей славой, хотя и бывшего в недавнем прошлом небольшим провинциальным городком, в котором сейчас строится громадный автомобильный комплекс. Город уже отстал от своего собрата, как по численности населения, так и по общему виду. В нём есть всего лишь одно двенадцатиэтажное здание, много девятиэтажек, ещё больше пятиэтажных. Есть даже три четырёхэтажных дома. Есть также аттракционы и магазины, кинотеатры, музыкальное училище, двенадцать школ, ПТУ, техникум, вечерний институт, но, к сожалению, в нём пока ещё нет своего спортивного комплекса.

Через весь город, по его главным улицам, с одного конца доходя до деревянной пристани на реке, а с другой стороны – до последних очередей строящихся заводов, ходят трамваи, что и является основным видом передвижения, кроме автобусов. Конечно же, горожане уяснили принцип «Автомобиль не роскошь, а средство передвижения», и поэтому на улицах очень много легковых машин. Всё это в совокупности и составляет город.

Если въезжать в город со стороны химкомбината, особенно, ранним летним утром, то это просто незабываемое зрелище. Когда машина начинает спускаться с возвышения, то далеко впереди внезапно появляется чарующее зрелище. На фоне укутанных сиреневой

дымкой высоко поднимающихся над водой лесистых берегов реки вырастает белоснежный город, устремлённый в небо. Лучи утреннего солнца ласково и нежно освещают его, показывая в самом выгодном для него свете. Справедливости ради следует сказать, что при въезде со стороны реки город также не менее красив.

При въезде в город стоит большая стела, поставленная в ознаменование десятилетия города. На ней, на сером граните, вырезан герб города.

Самая разительная черта города, отличающая его от соседей, это обилие зелени. Везде между асфальтовыми дорожками трава, деревья и кустарники.

Но сейчас зима, и поэтому город, если бы по нему не ходили люди, казался бы абсолютно безжизненным. Серые и жёлтые коробки, особенно зимой, не показывают особых признаков жизни. Только люди, живущие в городе, работающие в нём, шагающие по его просторным улицам, и составляют его существо...

Глава первая

1

На улице был ветер. Он поднимался ввысь и рвал в клочья, пытаясь их разогнать, серые облака, низко нависшие над городом. Опять опускался вниз и кидал комья рыхлого и мокрого снега в закрытые окна, в высокие столбы, в голые деревья. Ветер пытался распахнуть двери и ворваться в подъезды. И мешал передвигаться по дороге людям, с напором сбивая их с ног, благо, что везде были ледяные лужи.

На подоконнике одного из жёлтого цвета домов, которые выходили на проспект Строителей, на пятом этаже сидел одинокий человек мужского пола, шестнадцати лет от рода, и хмуро смотрел в окно. Его звали Андрей Шестопалов.

Он сидел на подоконнике, смотрел в окно и отчаянно тосковал. Сегодня была пятница, и в пять часов должен был состояться классный вечер, посвященный дню Советской Армии. Потому-то Андрей и тосковал. Лену он сегодня не встретил, и не надеялся больше её увидеть, ему почему-то казалось, что у их класса вечера не будет.

Андрей взял ручку, сунул её верхний конец в рот, и опять уставился в окно. На улице поскользнулась женщина в красном пальто, еле-еле удержала равновесие и поспешила перейти на газон. Андрей смотрел за ней, пока она не прошла за дом. Все люди куда-то торопились, то и дело проходили парочки, но никого знакомого не было видно.

Тяжело вздохнув, Андрей придвинул поближе к себе листок бумаги и записал на нём:

И тогда бы точно
Мне не полюбить.

Там уже выше было написано две строчки:

Мне бы жить спокойно,
Сердцу приказать не бить.

Кажется, вышло одно четверостишие, – подумал он. Довольно хорошее. А что дальше написать? Уже второй год, втайне от друзей и родителей, Андрей занимался тем, что писал стихи. И сейчас пытался написать очередное, благо, что сейчас на него снизошло поэтическое вдохновение, да и настроение было отвратительное.

И люблю я тебя безгранично,
И дарю сотни лет,
Нет, надо немного по-другому:
И люблю я тебя безгранично,
И дарю я тебе сотни лет,
Чтобы вечная жизнь твоя личная...

Рифму надо... Чтобы вечная жизнь твоя личная, как же продолжить? Дарила людям свет? Чтобы в вечную жизнь свою личную, жизнь свою личную... молода ты была... Была как поэт? свет? Лет не подойдёт. Чтобы в вечную жизнь свою личную ты жила молодой как весенний цвет... Что-то не получается. А, ладно! По улице шла ватага ребят в тёмных

полушубках, у всех в зубах – сигареты, и все они задирали прохожих. Омлет... Лет, лет... Нет, не выходит почему-то.

Андрей сложил листок пополам, слез с подоконника, ручку сунул во внутренний карман пиджака, а бумагу сунул в пятый том зелёного собрания сочинений Шолохова и поставил книгу обратно на полку в книжный шкаф. Потом допишу, – подумал он. Надо позвонить Мише, узнать у него – пойдёт ли он сегодня на вечер. Может быть, не ходить? Впрочем, девчонки могут обидеться.

Он подошёл к телефону, набрал номер.

– Алло, Миша! Позовите, пожалуйста, Мишу... Алло! Мишка, привет! Как дела? На вечер пойдёшь? Время-то ведь уже пол – пятого. Ну..., понятно. Но ты всё же, я надеюсь, пойдёшь на вечер? Ну, ладно, я скоро зайду к тебе.

Прошёл на кухню, налил себе чай из чайника, добавил кипятка, шесть ложек сгущёнки, перемешал и выпил. Вымыл чашку и, взглянув на часы, заторопился. Быстро оделся и вышел из квартиры... На улице было холодно, ветер, казалось, насквозь пронизывал всё, и доходил почти до самых костей. Страшный колотун. Неужели и сегодня ничего не выйдет?

Андрей зашёл в соседний подъезд и поднялся на второй этаж. Нажал на кнопку звонка. Миша ещё не думал одеваться. Андрей постоял немного, поджидая его, но, в конце концов, не выдержал и отправился в школу, на что Миша крикнул вслед: Тише едешь, дальше будешь.

Погода на улице уже переменялась. Ветер стих, было тепло, светло, и с небес падал мягкий снег. За несколько пролетевших секунд тысячи снежинок осели на пальто и шапку Андрея. Андрей почему-то любил такую погоду, когда на улице было относительно тепло, и когда падал мягкий пушистый снег.

Было так приятно идти по дорожке, запорошенной снегом, идти, оставляя за собой следы, идти, и думать о Лене. Снежинки падали на открытое лицо, на волосы, выпирающие из-под зимней бельевой шапки-ушанки, они падали, застывали и постепенно таяли, оставляя после себя влажные капли воды.

Показалась школа.

Андрей увидел, что у входа стоят ребята, и постепенно замедлил шаг. Поднялся вверх по ступенькам и, поглядев в освещенные окна медпункта, прислонился к колонне, придерживающей портик. Дамир грустно смотрел себе под ноги, видимо изучая свой левый ботинок. Стёкла его очков отражали падающий на них свет. Дамир слегка скривил рот и взглянул на Андрея.

– Ну, что же, пошли на вечер?

– Там ещё ничего нет, – отозвался стоявший рядом Фарит, – девчонки проигрыватель не принесли.

– А где вечер-то будет? В классе?

– Да, актовый зал нам не дали, столовую тоже.

– Холодно здесь, – сказал зачем-то Андрей, и пнул ногой снег на крыльце.

– Пошли, – Витя мотнул головой в сторону двери, – хотя, лично мне, не холодно, вообще-то.

Андрей посмотрел на его новенький чёрный полушубок и без лишних слов вошёл в школу. Отряхнул снег со своих ботинок. Витя и Фарит обошли его и бегом поднялись на второй этаж. Слышно было, как они грохочут в коридоре. Наверху послышался голос Тани.

– Зайдём в библиотеку? – Андрей вопросительно посмотрел на Дамира.

– Да. Надо посмотреть на старые НФ.

В библиотеке была только Таисия Павловна.

– Как? Что вы здесь делаете?

– Вечер будет сегодня, ко дню Советской Армии.

– А как же мой Миша?

- Он придёт попозже. Собираться изволит...
- Наверно, причёску укладывает? Как же...
- Угу. Я не выдержал и сбежал.

Ребята разделись.

Дамир прошёл между стеллажами и остановился у другого края, нагнулся к нижней полке, покопался немного и вытащил три потрёпанные брошюры. Любовно осмотрел их, и снова вышел на свет.

Андрей сидел за столом и листал подшивку журнала «Октябрь» за 1964 год. Таисия Павловна заполняла какую-то карточку.

- Что-нибудь интересное?
- Да нет, просто так смотрю.

Дамир указательным пальцем быстро поправил на носу очки и, в который уже раз принялся перечитывать седьмой выпуск «Научной фантастики».

Распахнулась дверь библиотека и на порог появляется Миша, в кожанке и весь, засыпанный снегом. Он оглядел помещение и приветственно вскинул руку.

- Привет!
- Пойти сначала отряхнись, – сказала Таисия Павловна.
- Только не здесь! Выйди в коридор.

Михаил сделал шаг назад, резко отряхнулся и, похлопав себя по бокам, топнул ногой по полу. Стёкла угрожающе зазвенели.

- Прекрати!
- По – жалуй-ста...

Миша скинул куртку, шапку и, вытащив из кармана маленькое зеркальце и расчёску, тщательно расчесал свои чёрные, густые и длинные волосы. Затем подошёл к Дамиру и хлопнул его по плечу.

– Что сидим? – и, обращаясь к Андрею, сказал, – я же говорил, что не надо торопиться. Поспешишь – людей насмешишь.

- Я ещё не ходил туда. У них, кажется, проигрывателя нет.
- Ха! И не будет. Я уверен, что Набоб его и не принесёт.
- А что Володи не видно? – спросила Таисия Павловна.

– Он сегодня учится, – буркнул Михаил, и более мягким тоном обратился к ней, – мам, у тебя ведь есть проигрыватель?

- Да. Ну и что?
- Ну, мам...

Михаил сделал многозначительный жест.

- Ты нам, мы тебе...
- Я вам, а вы мне? – смеясь, сказала Таисия Павловна.
- И не думай, я не дам вам ломать последний проигрыватель...
- Ну, мам...
- И не думай.

В дверь постучали.

- Да, сказал Миша негромко.
- Да, чёрт возьми! – гаркнул он.

Дверь открылась и в библиотеку зашла Надя.

- Ребята, что же вы? Мы вас ждём, а вы...
- Хорошо, сейчас идём, – сказал Дамир.

Андрей ничего не сказал, посмотрел на Надю и встал со стула.

- Пошли.

Надя шла, о чём-то разговаривая с Дамиром. Андрей шёл позади Миши.

Послышался стук входной двери. Андрей резко обернулся и увидел несколько вошедших в школу девочек. Послышались их голоса. Андрей стрепетом узнал Лену.

Она была в зимнем пальто белого цвета, и в белых же зимних сапожках. Лена тоже увидела Андрея, тем более, что он буквально застыл на месте.

– Ну, чего же ты? – спросил Миша, тоже остановившись.

– Иди, я сейчас буду.

Лена с одноклассницами прошла мимо Андрея. Вскользь удостоила взглядом. Он начал подниматься по лестнице сразу же вслед за ними.

Девушки, поднявшись на второй этаж, свернули налево. По их разговору Андрей понял, что их класс тоже проводит вечер, посвященный дню Советской Армии. У входа в кабинет стоял Коля, он о чём-то шептался с Галей.

– Привет, – сказал Андрей и пожал руку Коле.

– При-и-ве-т, – протянула Галя и с вызовом посмотрела на него.

Андрей прошёл в класс.

Ребята укладывали парты друг на друга у самой стенки, соблюдая место для торжественной части и для танцев. Девушки-одноклассницы стояли у стола и о чём-то тихо беседовали. Миша стоял, прислонившись к стене у окна, и задумчиво смотрел на Таню. Она улаживала свою причёску. Дамир торчал перед доской и рассматривал поздравительную надпись разноцветными мелками: «Дорогие мальчики! Поздравляем Вас с днём Советской Армии!»

Тамары Владимировны в классе ещё не было.

Зашли Азат, Коля и Галина. Андрей на пару с Азатом подхватил одну из последних парт и водрузил её наверх. Затем остановился и посмотрел на Дамира. Тот оглянулся и подошёл к Андрею.

– По-моему, ничего хорошего не будет.

– Да, – тихо ответил Андрей.

Они подошли к Мише, и встали рядом, обхватив его с обеих сторон за плечи.

– Что такой сумрачный?

– Да нет, почему же? Я же – сё – лый... – попытался улыбнуться Миша, и искоса взглянул на Татьяну. Дамир глянул туда же.

Андрей невозмутимо смотрел на Михаила и по досаде, появившейся у него на лице, догадался, что Таня болтает с кем-нибудь из ребят. Так и есть, – она общается с Колей. Он вслушался. Разговор шёл о каких-то фотографиях.

Миша саркастически усмехнулся и с видом обиженного демона повернулся к Дамиру.

– Давай, выйдем, подышим свежим воздухом.

– Я вообще-то..., ну, да ладно, пошли.

– А ты, Андрей?

– Я сейчас приду.

Миша с Дамиром вышли из класса.

Татьяна вынужденно прервала разговор на короткое мгновение, и бросила быстрый взгляд вслед уходящим ребятам. По лицу Николая скользнула лёгкая тень недовольства, но он с удвоенной энергией продолжил конфиденциальную беседу. Михаил как раз обернулся и встретился глазами с девочкой. Недовольно передёрнул плечами и захлопнул за собой дверь.

Андрей со скучающим видом подошёл было к учительскому столу, но девушки не подпустили его туда. Тогда он тоже вышел. И вовремя.

Миша, размахивая руками, горячо и убеждённо доказывал Дамиру какую-то совершенно невозможную теорию. Но внимание Андрея привлекло другое.

Неподалёку от них стояла Лена с девочкой из своего класса. На ней была блузка в горошек, та самая, в которой она была на бале – маскараде под Новый год, и синяя, с раскле-

шенными краями юбка до колен. Это было тринадцатого декабря, играли в рыбака и рыбку. Он с Виктором поймал Лену. Правда, тогда Андрей ещё не знал, как её зовут.

Схватили её за руку, Витя немного смутился, и так стояли, пока девушку у них не увели подружки. Андрей смотрел тогда на неё, на её лицо, глаза, держал в своей руке её холодную ладошку, и касался её длинных пальцев с нежной кожей, ощущая необыкновенный трепет в своей душе. Ему хотелось так стоять хоть до скончания века. Но Лену скоро увели.

Сейчас она была ещё лучше, чем тогда, и Андрей, подойдя к Дамиру, прислонился к стенке и стал смотреть на Лену. Она о чём-то тихо рассказывала своей однокласснице. Но при этом несколько раз вскидывала глаза на Андрея, и явно заинтересованно смотрела на него. Андрей поймал на себе взгляд Миши и слегка отвернулся от Лены.

Девушки постояли ещё несколько минут, потом они повернулись и зашли в свой класс, кабинет биологии. Там слышался шум, голоса – очевидно, что празднование было в самом разгаре.

Я сегодня провожу её, – подумал Андрей. Должен же я когда-нибудь объясниться. Я люблю Лену, точно люблю. А иначе, почему же у меня так замирает сердце, когда мы встречаемся глазами, почему я чувствую потребность видеть её, слышать её голос, ощущать её присутствие, и всегда быть с нею рядом. Может быть, это любовь...

Когда я смотрю на неё, то мне хочется обнять её, целовать её губы, её щёки, её глаза, хочется поднять её на руки, нести её на руках, и так идти, идти, идти... Она это понимает, особенно, когда я смотрю на неё. Она понимает все мои мысли. Почему она так избегает меня? А я не могу заставить себя подойти к ней и заговорить. Я не могу этого сделать. Нет, сегодня я обязательно провожу её, и я ей всё объясню, и скажу ей, что я не могу жить без неё, без её светлой улыбки и чудесных глаз. А какого цвета у Лены глаза? Я никак не могу этого понять...

Миша хлопнул его по плечу.

– Что задумался? Горестной печалью обречён...

– Я думаю, что жить нам осталось совсем немного, и перед смертью мы будем вспоминать всё, что с нами было в юности.

В дверях показались Валерий с Аней.

– Ну, как проигрыватель? – иронически ухмыляясь, спросил Миша.

– Да не работает он у меня, пытались отладить, но ничего не вышло.

– Танцев, очевидно, не будет? – сказал Дамир и, слегка улыбнувшись, посмотрел на Валерия.

– Нет, почему же? – ответила Тамара Владимировна, появившись за их спинами.

– Здравствуйте, ребята. В шкафу должен быть проигрыватель. Мы на нём слушали в прошлом году «Времена года» Чайковского. Помните?

– Как же, – пробурчал Михаил.

– Вот ключ, Миша, попробуй открыть шкаф.

Михаил старательно пытался в течение пяти минут открыть шкаф, но ничего не выходило. Он хотел уже с силой надавить на ключ, так, чтобы замок бы или сломался, или открылся, но Дамир успел его вовремя остановить.

– Что, не открывается? Наверно, ключ не подходит, – с этими словами Тамара Владимировна взяла ключ у Миши и вошла в учительскую. Через некоторое время, показавшееся Андрею вечностью, она вынесла другой ключ.

– Вот, наверное, этот.

Миша легонько всунул ключ в замочную скважину, легонько повернул ключ против часовой стрелки на 270 градусов, и дверка распахнулась. В шкафу, на второй полке снизу стоял какой-то потрёпанный проигрыватель, отдалённо напоминавший тот, который был в прошлом году.

Рафаэль с Валерием, всё время стоявшие рядом с Мишей, подхватили проигрыватель и поднесли его к стенке, где был розетка от сети. Там специально оставили одну парту, около неё стояли Коля с Галей.

Таня взяла со стола пачку пластинок и пошла в тот же конец. Миша проводил её ироническим взглядом.

Андрей поймал себя на ощущении какой-то нереальности всего происходящего, и своей абсолютной непричастности ко всему этому. Словно всё это происходило во сне или в кино. Он участвовал во всём, и в то же время смотрел на всё это откуда-то со стороны, с позиции постороннего человека.

Всё вокруг вызывало лишь зрительный интерес, как будто я стою и смотрю театральное представление. То, что здесь происходит, интересно, трогает мои чувства, но мне как-то интересно это лишь с позиции стороннего наблюдателя. Такое ощущение, как будто я не здешний.

Странно, но такое же было и тогда, тем летом, когда мы всем классом ходили в поход в лес. Особенно странно было вечером, – когда я сидел и смотрел на костёр. Яркие языки пламени уходили высоко в ночную мглу, слегка трещали ветки, голубовато-красное сияние озаряло ребят, умиротворённо сидящих вокруг огня. Чёрно-синее небо было усеяно миллиардами сверкающих капелек-звёзд. Вокруг стояли громадные, с густой листвой широкие тёмные деревья, и где-то неподалеку слышались сладкие соловьиные трели.

Соловей то умолкал, то вновь начинал выщёлкивать свою такую прелестную в этот чудесный июньский вечер песню.

Я сидел на мягкой шелковистой траве, приятно холодившей мои руки, которыми я опирался о землю, и смотрел на пламя костра.

Среди всех зрелищ наиболее прекрасное – это огонь. Все люди признают это, и, наверное, первая полу-собака, полу-волк, впервые пришедшая к чел о веку-охотнику, подошла именно заворожённая пламенем и теплом огня, приручённого в виде костра.

Жар костра согревает мне ноги, а спиной я касаюсь холодной и тёмной ночи. Приятное чувство, очевидно похожее на то, которое испытывают англичане, когда они сидят в своих холодных сырых комнатах в промозглые туманные лондонские дни и, протянув ноги к тёплому весело трещащему камину, наслаждаются ароматом горящих сухих дров. А может быть, и не сухих дров...

И когда, подняв горящие палки и дымящиеся головешки, мы стали бегать по поляне, именно тогда меня и постигло впервые то чувство нереальности происходящего. Оно и есть, и его нет, это толи сон, толи явь. Но это было так чудесно, такой отдых был и телу, и душе, что просто невозможно было всё это выразить словами. Для этого просто надо подобное пережить самому. А слова, все слова – это всего лишь ложь. Камуфляж реальности. Наверно, то же самое испытывают верующие люди тогда, когда они достигают религиозного экстаза.

Андрей оторвался от своих мыслей, и снова вернулся в реальный мир, и понял, что несмотря на то, что он целиком воцарился в себя, он, оказывается, внутренним зрением видел всё, что вокруг происходит. Проигрыватель не работал, и теперь все были в жуткой растерянности. Праздника не получалось. Один лишь Миша с хитрым видом смотрел на собравшихся одноклассников. Да, точно, ведь у Таисии Павловны есть проигрыватель.

Андрей толкнул Мишу в бок и кивнул на дверь. Миша опять улыбнулся, чрезвычайно хитро, и подошёл к Тамаре Владимировне. Что-то ей зашептал, почти на ушко. Посмотрел на Андрея, как бы приглашая его с собой, но он отрицательно покачал головой.

Тамара Владимировна и Михаил вышли из класса.

Ребята разбрелись по школе кто куда.

Андрей с Дамиром прошли в рекреацию. Оттуда была видна закрытая дверь её класса. Дамир что-то говорил, о чём-то рассказывал, поминутно поправляя очки. Андрей ему подда-

кивал, тоже что-то рассказывал, но всё это время у него в голове крутилась одна мысль: Выйдет или не выйдет? Она не вышла.

Миша с довольным и глубокомысленным видом притащил проигрыватель, и всех спешно пригласили в класс.

Девушки опять столпились у стола, Тамара Владимировна стояла немного поодаль, ближе к доске. Вперёд вышла Таня и, очевидно, как самая смелая, начала поздравительную речь:

– Дорогие мальчики! Мы, девочки нашего класса, поздравляем Вас с Днём Советской Армии! Желаем Вам в дальнейшем, в недалёком будущем отличной службы, и желаем быть хорошими воинами, доблестными защитниками нашей Родины! Поздравляем Вас, Мальчики!

Все захлопали, и девушки бросились раздавать подарки. В знак их мужского начала ребятам подарили галстуки, в надежде на лучшее, и тут же повязали на шею. Вручили открытки.

Андрей отошёл в сторону и прочитал то, что там было написано:

Андрей!!!

Поздравляем тебя с праздником 23 февраля!

Желаем всего самого наилучшего.

Одноклассницы.

Он догадался по почерку, что писала Татьяна. Подошёл к Дамиру и Мише, посмотрел их открытки. Текст тот же. И почерк тот же. Миша незаметно стянул с шеи галстук, какого-то сине-красно-бело-фиолетового цвета, и сунул его в карман.

– Тьфу, рази это подарок! А я-то думал... «Мой дядя как-то занемог, и лучше выдумать не мог». У меня дома таких галстуков уйма. В нём ведь никуда и не пойдёшь. Ну, ничего... Мы им сделаем такой подарок, что, они ахнут, особенно в сравнении с ихними. Тьфу!..

К Мише подошла Надя.

– Что же ты галстук снял? Не нравится?

– Да ничего, только дышать трудно, – ответил Миша и отошёл в сторону. Подошёл к Николаю. Тот ставил пластинку. Поставил, запустил и объявил: Танго!

Все стояли по стеночкам. Потом Женя не выдержал и пригласил на танец Наташу. После того как первая пара вышла на арену, число танцующих учеников начало расти в геометрической прогрессии. Андрей сидел в углу и смотрел. Коля пригласил Галю и нежно танцевал с ней.

Таня выжидающе смотрела, но, после того как её пригласил Азат, от танца не отказалась и вышла с ним. Миша недовольно насутился и угрюмо уставился в окно, благо, что оконное стекло отражало ярко освещенную комнату, и ему и так всё было хорошо видно. У него резко испортилось настроение, и это сразу же все заметили. Тамара Владимировна, которая сидела за столом и за всеми внимательно наблюдала, слегка улыбнулась, вполне удовлетворённо, увидев Мишину реакцию на поведение Тани.

Дамир медленно танцевал с Аней, Виктор – с Людой.

Все танцевали или сидели по углам и стороночкам. Музыка закончилась. Кто-то поставил шейк. Тут высыпали почти все. Андрей тоже вышел из своего угла и присоединился к дрыгающимся и извивающимся под злобные звуки воинственного тамтама, как когда-то выразился Миша, когда у него решились как-то спросить, почему он не танцует шейк. И далее он заявил о той, что не является людоедом, чтобы танцевать дикарские танцы.

Андрея даже затрясло от смеха, когда он вспомнил, как они танцевали мумбу – юмбу на дне рождения у Миши, обнявшись, все вместе за плечи. Это был совершенно дикий, но очень даже высоко интеллектуальный танец, от которого дрожали и пол, и стены, и дребезжали окна и посуда.

Андрей посмотрел в сторону Миши и увидел, что они с Дамиром обсуждают с жаром какую-то ну очень насущную проблему.

Когда танец кончился, Андрей вышел в коридор и посмотрел в рекреацию. Из соседнего кабинета тоже слышались какие-то дикие вопли, выкрики и гремела музыка. Но никто в коридор не выходил. Им там явно было интереснее. Немного постояв перед дверью, Андрей опять вошёл в класс. Опять звучало танго.

Миша танцевал с Таней, они о чём-то заинтересованно шептались, Дамир танцевал с Ириной, Коля с Галей, Валерий с Аней. Другие тоже танцевали. Валя стояла в сторонке. Андрей пригласил её на танец. После танца он взглянул на часы и обнаружил, что время уже полдевятого. После этого он начал беспорядочную танцевальную жизнь и танцевал уже со всеми.

Вечер длился до девяти часов. Без пяти десять Тамара Владимировна встала и решительно сказала, что пора заканчивать. Ребята неохотно dokonчили танго, доели последние ириски, лежавшие на столе, и начали одеваться. Миша быстро отнёс проигрыватель в библиотеку, запер дверь, и, уже одетый встал у входа. Принёс пальто Андрею. Дамир к этому времени уже незаметно ушёл домой.

Андрей понял, что Лены уже нет. Их вечер закончился много раньше, и они, естественно, тоже ушли раньше.

Странно, что мне никогда не везёт, – подумал Андрей. То, чего я обычно хочу, желаю или просто думаю или мечтаю об этом, к сожалению, никогда не сбывается. Какой-то злой рок мешает мне познакомиться с Леной и, по крайней мере, хотя бы подружиться с ней. Ничего из задуманного мною никогда не выходит. Такой уж, наверное, я несчастный человек. А может быть, во всём виновата моя нерешительность, а точнее, моя трусость?

Андрей горестно улыбнулся и быстро пошёл к выходу. Миши там не было, как и Тани, впрочем, тоже.

Ребята, кто по двое, кто по трое расходились по домам.

Андрей поднял воротник и резкими, порывистыми шагами двинулся по полутёмной заснеженной дороге. Он был похож на одинокого волка, раненного в самое сердце, но оставшегося в живых.

С неба холодно и молчаливо смотрела луна, немой свидетель земных человеческих метаний. Звёзд на небе не было видно.

2

На следующий день Андрей пошёл в школу только к девяти часам. Военного дела не было. Все занятия прошли как обычно, то есть Андрея ни разу не спросили, тем более, что он всё равно ничего не читал к сегодняшнему дню. Последним уроком была литература.

После звонка Андрей, подхватив в портфель с учебниками, кубарем скатился по лестнице и помчался в раздевалку. Быстро прорвался к вешалке своего класса и начал одеваться. Оставалось надеть только шапку, как Андрей увидел Лену. Она уже собралась выходить. Андрей стремительно вышел вслед за ней. Остановился у входа и проводил Лену взглядом.

Она была как всегда очаровательна в своём белого цвета зимнем пальто, в вязанной красной шапочке и в светло-коричневых сапогах. Вся её фигурка так возбуждала Андрея, что он просто горел желанием, а её взгляд, которым она наградила его раздевалке, рождал надежду. Андрею хотелось догнать её сейчас, стремительно подхватить её под руку, и пойти так по улице. Но он не мог. Он чувствовал, что это невозможно.

Вот если бы я был с нею знаком! Я бы тогда с полным на то правом здоровался с ней каждое утро, провожал бы её домой, мог бы свободно с нею разговаривать и просто держать её за руки, болтать и танцевать с ней. Но ничего этого не было.

Проклятая робость! А что такое симпатия? Как в человеке зарождается это чувство? И как оно проявляется? Она мне нравится, а я и сказать-то не могу, что она мне так сильно нравится. За её глаза, за её волнующий грудной смех, за то, что она вообще есть...

Лена остановилась у ворот и стала о чём-то разговаривать с девчонками из своего класса. Андрей долго смотрел на них, а потом медленно пошёл в их сторону, всё это время пристально всматриваясь, буквально вглядываясь в Лену, в эту самую прелестную юную девушку, которая божьей милостью пробудила в нём чувство любви к себе.

Он тоже встал около школьных ворот, неподалеку от них, краем уха улавливая их разговоры и усиленно делая вид, что поджидает Мишу. Вскоре подошёл Михаил.

Андрей с Мишей поговорили некоторое время, прислонившись спинами к полуразвалившейся стене, о высшей политике, затем о марках. После того как девушки рванули с места в картер и понеслись домой, и Лена пропала между домами, Андрей и Миша тоже пошли домой, а точнее, домой к Мише.

Посидели, посмотрели новые марки, после чего Андрей собрался и пошёл домой. В квартире ещё никого не было. Андрей разогрел суп, чай и немного поел. Потом сделал задачи по алгебре, прочитал три абзаца по литературе и, взяв в руки роман Дюма «Три мушкетёра», улёгся на диван.

От этого увлекательного занятия его оторвал только приход мамы с работы. Пока она ужинала, Андрей включил телевизор и опять сел на диван, одновременно перечитывая любимую книгу и следя за событиями на телеэкране.

Внезапно зазвенел телефон. Мама откликнулась на звонок, подошла и взяла трубку:

– Алло! Это ты, Володя? Андрей, тебя...

Андрей взял трубку и услышал знакомый голос Володи.

– Привет, Андрей!

– Привет, как дела?

– У меня ничего, а у тебя?

– Как всегда плохо, но жить можно. Пока.

– Ну, это уже лучше. У меня, в общем-то, также. Ну, не падай духом, падай брюхом.

– Хорошо. Постараюсь...

– Слушай, а ты не хочешь в воскресенье ко мне? Может, опять соберёмся компанией?

– Это уже отлично. Но как Миша?

– Куда он денется с подводной лодки! Я ему уже позвонил, переговорил. Он согласен.

– А Костя, Дамир?

– С ними я уже договорился. Правда, они не знают, что соберёмся вместе, но так даже лучше. Устроим снова записи, посидим, поговорим да побеседуем. Посмотришь мои новые марочки и открытки. У тебя этикетки спичечные ещё целы?

– Да, конечно, а куда они у меня денутся? У меня всегда всё цело.

– Ну, тогда ладно, я спокоен за завтра. В общем, я буду ждать.

– А к сколько?

– Часам, скажем к одиннадцати. Мама у меня в гости пойдёт, и мы останемся совсем одни.

В телефонной трубке послышались короткие гудки.

Мать уже постелила постели, поэтому после разговора Андрей просто разделся и лёг спать. Эх, интересно было бы сейчас вернуться в прошлое. Путешествия, войны, драки, тайные союзы – чего там только не было, в прошлом. Как хорошо, что есть, о чём вспомнить. Последняя мысль Андрея, перед тем как он погрузился в сонное забытие, была о Лене. Вот если бы и она входила в нашу компанию...

3

Лена сидела за письменным столом и заполняла очередной день своего дневника. По комнате разливался розовый полумрак, полу – сумерки от настольной лампы. Старшая сестра лежала в постели и делала вид, будто спит, но сама сквозь длинные полузакрытые ресницы следила за Леной.

– Ты что пишешь? – спросила Марина, когда ей надоело притворяться.

– Дневник, – коротко ответила Лена.

– А зачем?

– Просто так, для собственного удовольствия. Я описываю то, что произошло сегодня со мной.

– Опять, наверное, о нём пишешь?

– О ком э – то..., о нём? – насторожилась Лена.

– О некоем мистере Х, насколько я понимаю...

– Так ты ещё читаешь то, что я пишу! – Лена вскочила из-за стола и бросилась к сестре с намерением её поколотить, или, по крайней мере, причинить адекватную преступлению физическую боль. Но та не приняла вызова и принялась щекотать Лену. Так они и барахтались некоторое время, потом обе девушки весело расхохотались. Лена села на живот Марины и упёрлась своими острыми локотками в её пухлую грудь.

– Нет, ты всё же скажи мне, почему ты читаешь мой дневник? Тем более, без спроса.

– Да я случайно наткнулась на него в письменном столе, случайно открыла и заинтересовалась, и прочитала весь. Ты хорошо пишешь, но вот только кто этот мистер Х?

– Просто один парень из нашей школы. Старшеклассник. Он вечно смотрит на меня, когда мы встречаемся. Взгляда не отводит. А подойти боится, или, может быть, стесняется... У него такие странные, какие-то как бы изучающие глаза.

– А какого они цвета?

– Коричневые... Есть даже немного зеленоватый оттенок, особенно на свету. Как у кошки прямо.

– Он тебе нравится?

– Да так себе, просто интересно, о чём он думает, когда глядит на меня.

– А глаза ты его запомнила, значит, встречались глазами-то?

– Что поделаешь, если он стоит как столб и смотрит на меня. И ничего не говорит. Вот я и запомнила, какие у него глаза. Ой, Маринка! Если бы ты только знала, что сегодня было!..

Лена слезла с Марины и легла рядом, но поверх одеяла. Они крепко обнялись, прижались друг к другу, и Лена жарким шёпотом стала рассказывать заинтересованно слушающей её сестре:

– Я выхожу сегодня после уроков из раздевалки, а он – за мной, даже не оделся до конца. Вышел на крыльцо и смотрит на нас, а я девчонками стою у ворот. Смотрит он на нас так тоскливо. Видно думает – подойти, или мимо пройти. Подошёл, тоже встал у ворот, и делает вид, будто ждёт кого-то. Стоит и зыркает на меня, а то и вовсе без отрыва смотрит. И так изредка на него взгляд кидаю.

Потом подошёл к нему друг его, Миша, и начали они о какой-то чепухе разговаривать. Говорит, говорит, а сам всё не меня смотрит. И, главное, немножко нравится он мне, всё-таки симпатичный, хотя, конечно, и не мой идеал. Смотрит, смотрит на меня, а как увидит, что я гляжу на него, у него глаза так и начинают сверкать.

– Вы что же, так вот и стояли всё время?

– Ну, да. А что? Потом мы ушли, и они тоже.

– Надо было тебе к нему подойти, подошла бы и спросила – что это ты на меня так смотришь?

– Ну, вот ещё. Нет, я так не могу. Была охота позориться! Нам в классе своих мальчишек по горло хватает.

Марина устроилась поудобнее и дотронулась до груди Лены.

– А что, мальчишки – то, небось, тискают уже?

– Да, ну, тебя! Нашла о чём спрашивать, – Лена попыталась отодвинуться от сестры к стенке, но та и там настигла её, и сжала крепкими пальцами небольшую упругую грудь Лены.

– А это ведь приятно, когда грудь ласкают...

– Вот ещё, всякие там придурки или шизики хватаются, как за шарик и держатся. Совсем даже не приятно, а скорее больно. Особенно, вон, когда Толька...

– Что Толька? Это тот высокий, кучерявый, тот, что к нам однажды приходил? Да? Он мне ещё тогда понравился, вежливый мальчик...

– Да, уж, вежливый... Особенно в день Советской Армии. Когда мы с ним танцевали, то он так прижался ко мне, что... Ну, ты меня понимаешь. Ужасный нахал! А потом я с ним вышла из класса, и мы спустились на первый этаж, там никого не было.

Идём себе, спокойно разговариваем, и вдруг он прижимает меня к стенке, и давай сразу руками лапать. Я его оттолкнула, но он же сильнее меня. Просто вжал меня в стену, размазал по ней всем своим телом, придавил, и ещё целовать пытается, в губы. А я ему не даю. А он руками потом... И дальше... Стыд один.

Я вырвался, убежала, а потом захожу в класс – он сидит, как ни в чём не бывало, и ухмыляется. Глаза бы мои на него не смотрели...

– Ну, это ты зря. Это самое лучшее время – молодость, особенно, когда ты в школе. И первая любовь тоже в школе. Я думаю, что ты ещё девушка?

– Пока ещё не женщина.

– Жаль, в твои годы пора бы уже познать радости любви. Я читала одну китайскую сказку, так в ней писалось, что в тринадцать лет девушке ещё рано любить – это у них называлось «узнать цветок», в четырнадцать лет «раскрыть цветок» – самый раз, а в пятнадцать лет – «сорвать цветок» – уже опоздала. Сейчас к тому же акселерация. Сама-то я впервые полюбила в пятнадцать лет.

– А кто он был?

– Один парнишка из техникума. Мы тогда вечера делали в уютной компании, и ночевать иногда оставались «у подруги», вот он меня и заломал в один из этих вечеров.

– Ну, а как это было?

– Да, мне сперва не показалось. Больно было, потом какое-то удовлетворение. Но по настоящему радость любви я узнала только сейчас. И, ты знаешь, сейчас мне это нравится...

– А это... очень приятно?

– Как тебе сказать... Надо самой всё испытать. Всё познаётся в сравнении. А так, что – слова ложь, и то, что в книгах – тоже не правда. Не вся правда. Для мужчин самое главное всё-таки не душа, а то, что находится у женщины вот тут, – и Маринка ткнула пальцем в надлежащее место, и Лена взвизгнула от волнующего восторга. – И вот тут, – Марина выпластала над сорочкой одну из своих пышных белых грудей с ярким пунцово устремлённым вперёд соском.

– Дай бог, чтобы тебе попался настоящий мужчина, а не такой молокосос как мне. Чтобы он понимал толк в любви, и в настоящих ласках...

– А разве этого не хватало? – Лена показала жестом.

– Что ты, что ты... Это же так просто. От этого только мужчины получают удовольствие, а вот нам женщинам надо, чтобы... – тут начался строго специфический женский разговор,

слишком откровенный и слишком прямой, который явно недостоин того, чтобы его слушали мужские уши. А не то ненароком они могут и побагроветь. От стыда.

Женщины ведь в разговорах между собой «tet-a-tet» гораздо более откровенны, чем мужчины... И, даже если они и не разговаривают площадной бранью, как мужчины, но они склонны разговаривать так и о таком, что даже у ангелов на небесах краснеют уши, и иные части тела.

Глава вторая

1

Вадим Зотов по своей натуре никогда не был драчуном. Но в детстве слишком многие, в том числе и учителя, пытались подчинить его своему влиянию, но он уже тогда никого не признавал за авторитет. Результатом этого были дворовые и школьные драки. Его били, много раз били, больно и жёстко, до крови, но он всё равно оставался таким же независимым от всех. И отвоевал-таки себе право не подчиняться и быть независимым.

С ребятами из своего дома он был на равных отношениях, они были знакомы с ним и даже пару раз приходили по его просьбе на помощь, когда он дрался с чужаками. Однако неизменно они были против него при его драках со своими. Они чувствовали в нём что-то явно чуждое им.

Он большей частью сидел дома, чем выходил на улицу. Эти выходы обычно заканчивались потасовкой. Он не терпел лжи, хотя и сам в некоторых случаях мог нагло врать, с удивлением обнаруживая в себе то, что ненавидел в других. Но при этом он нисколько не стыдился подобного поведения, и даже не краснел.

С самых юных лет он познал науку лицемерия, и для себя вывел даже особую теорию, что у каждого человека на самом деле не одно, а несколько лиц: у кого – пять, а у кого – и по – более. Одно – на работе, на учёбе, другое – на улице. Третье – дома, среди близких, четвёртое – он сам, такой, какой он и есть. А пятое лицо – это то, чего он ещё сам про себя не знает.

Он моментально приспособливался к любой обстановке, но одновременно при этом оставался свободным. В школе он был неизменным ударником, примерным учеником, правда несколько неактивным по общественной линии. В классе он близко ни с кем за все годы учёбы так и не сошёлся, если не считать Володю Ливника, с которым он был в весьма приятельских отношениях. Так, по крайней мере, считали многие, в том числе и учителя.

Только в каком роде это были приятельские отношения? Они сидели на одной парте, списывали друг у друга, у них были общие увлечения – книги, фотографирование, но за пределами школы они встречались очень редко. Впрочем, он сам был виноват в этом: после первого посещения Володи дома он, с присущей ему резкостью, заявил, что родители Ливника ему не понравились. А к себе он Володю почему-то не приглашал. Но и без этого все в классе знали, что отец его пьёт, а мать, больная и издёрганная женщина была не в силах влиять на него.

Из своих одноклассниц он более или менее хорошо относился только к Лидочке Буренцовой. Однажды, это было в восьмом классе, они остались после уроков дежурными. Он тогда вытер мокрой тряпкой свою половину класса, а она – свою. Причём молча. И, когда она поднялась и подошла к доске, чтобы стереть написанное там, он сидел на корточках на полу и смотрел на её ноги прямо перед собой.

Лида густо покраснела, заметив, куда направлен его взгляд, и хотела отодвинуться, он внезапно поднялся и решительно обнял её. Губы его прильнули к свежему алому рту, а руки в это время тискали маленькую упругую, только начинающуюся распускаться, девичью грудь. Они некоторое время стояли, тесно прижавшись, друг к другу, затем Лида резко вырвалась и, схватив свой портфель со стола, со слезами выбежала из класса.

Он вытер доску, вылил грязную воду и, собрав вещи, пошёл домой.

На другой день Лида ничего не сказала, но начала всячески сторониться его.

С тех пор он и начал более или менее хорошо к ней относиться. Но попытки своей приблизиться к ней больше не повторял, даже тогда, когда для этого однажды возникла превосходная возможность: их класс отправился в поход в лес с ночёвкой. У них на всех было, всего

лишь пять палаток, а в классе тридцать человек, так что в палатках было более чем тесно. В тесноте, да не в обиде. А теснота, как и темнота – друг молодёжи.

Наступила ночь. Некоторые дремали около костра, а он же лежал в палатке рядом с Лидой, совсем вплотную. Лида лежала, закрыв глаза, не двигаясь, но Вадим чувствовал, что она не спит. Рядом раздавалось хихиканье. Он приподнялся на локте и в полутьме увидел, что это Витька шупает какую-то девчонку. Ему захотелось выругаться, но он сдержался.

Посмотрел на Лиду, она тоже напряжённо прислушивалась к смеху рядом. Их взгляды встретились. Он хотел отвернуться, но вдруг увидел, понял её взгляд. И уловил её сдержанное дыхание, и её откровенное желание. Лида робко улыбнулась ему, но он резко отвернулся от неё и больше не поворачивался.

Он много читал, и знал всё, многое не изведав. Да у него и не появлялось желания что-либо испытать. Под влиянием книг он почувствовал себя высшим существом, стоящим над всеми остальными людьми, и ему претило то, что он может чувствовать то же самое, что и они. Кроме того, он уже довольно ясно представлял себе свои недостатки, выяснил их и довольно честно признавался в том, где и чего он может достичь.

У него была плохая память. Не то чтобы совсем плохая, но несколько своеобразная, даже избирательная. Ему вспоминались какие-то мелочи, а главное, необходимое, в самом деле, почему-то обычно в голову не приходило. Отсюда, как следствие то, что он не знал в школе математики и точных наук.

После окончания школы он как-то очень удивился, что ничего не знает и не помнит из того, чему десять лет учился. Но он ошибся: всё то, что он когда-то узнал, на самом деле осаждалось в тайниках его памяти, и само собой начало приходить к нему в нужную минуту.

Он был терпеливый человек, но когда его терпение лопалось, или когда он давал себе волю, то он становился в буквальном смысле этого слова страшным. В минуты ярости он мог натворить всё, что угодно, мог лезть на рожон, не взирая ни на ситуацию, ни на обстоятельства, ни на место, ни на время.

Интересно, что разум его в это время всё понимал, анализировал, но действовал абсолютно самостоятельно и не предпринимал никаких попыток обуздать свои инстинкты и беснующееся тело.

Это были его главные недостатки, которые он в себе признавал. Но самым главным недостатком в нём был его слишком трезвый разум, ничего не принимающий на веру и не признающий постоянных авторитетов.

Он иногда поступал, так же как и все, выключая свой собственный разум. И жил тогда одним лишь осознанием того, что раз уж он живёт на этом свете, на этой земле и на той планете, в это время и с этими людьми, то ничто человеческое и ему не должно быть чуждо, но всё же очень часто после этого раскаивался в этом.

После окончания школы Зотов, несмотря на то, оценки в аттестат ему вывели хорошие, и даже вручили грамоту, решил в институт не поступать. Сначала поработаю немного, потом отбарабаню в армии, а вот после армии можно будет и поступать куда-нибудь. И льготы будут, и умнее немного стану.

Но была ещё одна причина, по которой Вадим решил отдаться на волю волн судьбы. Он в ней никому не признавался, и никто об этом не знал – он хотел стать писателем, и хотел писать хорошие настоящие рассказы, печататься в журналах и выпускать свои книги. Но для этого был нужен опыт и знание жизни. Именно поэтому он решил познакомиться с областью материального производства, то есть, в его понимании с жизнью простых людей, работяг, с их работой.

Он много раз пытался писать – рассказы, повести, романы, но у него ничего не выходило, и он сжигал их, одну за другой, на кухне, на газовой горелке. После этого в квартире обычно долго пахло гарью. Ему также не хватало терпения, что-либо закончить, из того, что он начи-

нал. В первое мгновение, воспламенившись идеей, он мог написать десять-пятнадцать страниц, но стоило оторваться ненадолго, и пыл его быстро пропадал, и Вадим, перечитывая то, что он написал, безбожно ругал себя бездарью и вновь зажигал газ.

Он устроился подсобным рабочим на ремонтный участок, ведь специального образования-то у него не было, всего-навсего оставалось перекантоваться около полугода до того времени, когда его заберут в армию. На работе его не совсем принимали всерьез, девушки прозвали философом, мастер относился к нему как к глупому несмышлёнышу, а у рабочих старше среднего возраста, при разговоре с ним, проскальзывали нотки превосходства и снисходительности.

Несмотря на это, он старался поддерживать дружеские отношения со всеми. Ведь это уже было не детство, и не школа, а реальная жизнь, и в ней надо было устраиваться, и надо было её познавать. Он старательно прислушивался к разговорам рабочих, стараясь понять жизнь «простых» рабочих людей изнутри, погружением в рабочую жизнь, и он старался анализировать про себя, их речи, поступки, не высказываясь, разумеется, вслух, искал в своих товарищах характерные черты, привычки, и сюжеты для своих будущих книг.

С молодыми рабочими своего участка, ребятами своего приблизительно возраста, он подружился. С комсоргом, Степаном Лукичёвым, с Рустемом Замалиевым, с Володей Юдинским они стали друзьями. Вместе ходили по вечерам в кино, на танцы, на совместные вечеринки.

Их компания устраивала для молодёжи вылазки в лес, вечера танцев и музыки, бросали новые идеи в комсомольскую работу, всячески пытались оживить ребят и молодёжно-общественную жизнь. Иногда это удавалось...

Завтра они должны были вечером собраться у Степана. Хотели сделать вечер, пригласили знакомых девушек и парней, приготовили магнитофон и новые записи иностранных песен, вино и закуску. Немножко отдохнуть в тёплой дружеской атмосфере, выпить в лёгкую, для храбрости и веселья, послушать музыку и пообщаться с девушками – была их основная цель.

Одной из целей было также более близкое знакомство с красивой девушкой по имени Марина. Вадим представился ей на танцплощадке, их познакомил Степан, и ему очень хотелось быть более близко знакомым с ней, если не сказать больше. Зотов пригласил Марину на завтрашний вечер, и поэтому с нетерпением ждал субботы.

2

Суббота началась относительно хорошо. Когда Андрей раздевался, то он заметил Лену, которая уже без верхней одежды шла в класс. Но потом целый день её не видел, – ни на перемене, ни после уроков. Соответственно, Андрей в весьма мрачном настроении вернулся домой. Этот день он почему-то посчитал убитым. Одно его утешало, что завтра воскресенье, и что он завтра вновь встретится с друзьями.

Он пришёл домой, поел и принялся читать древние записки, которые нашёл прошлым летом на чердаке деревянного дома в деревне, когда был в гостях у бабушки. Отдельно в сторону отложил свой дневник.

Андрей открыл первую страницу старинной тетради. Там, крупными чернильными буквами, но красивым и понятным женским почерком было написано следующее:

Бом-бом-бом
Начинается альбом
Хи-хи-хи
Начинаются стихи

Пишите, милые подруги
Пишите, милые друзья
Пишите всё, что вы хотите
Только глупости нельзя
Прошу альбом не пачкать,
Листов не вырывать
И маленьким детишкам
В руки не давать.

На следующей странице шёл текст, обращенный, очевидно, к хозяйке альбома:
Стихи.

Звени, звени гитара
Звени, не унывай
Милая подруга Галя
Меня не забывай
Между многими подругами
Ты забудешь и меня
Хоть этими стихами
Помнить будешь ты меня
Галина!!!
Моя просьба
Галя: Ты молода, ещё хохочешь
В головке бродит ветерок
Но если плакать ты захочешь
Не верь ребятам мой дружок.
У них сердца так рано бьются
Страдания наши им не впрок
Они над нами лишь смеются
Не верь им, Галина, дружок!
Гуляй, кокетничай порою
Ведь это вовсе не порок
Но только ради бога
Не верь им, Галина, дружок.
Галя: Живи, пока живётся
О смерти думай иногда
И плач, когда придётся
Но веселись всегда.
Галя: Живи, лови минуты счастья
Они порою хороши
Но, не узнавши человека
Не отдавай ему души.
Галя: Огонь горит, пылает
Любовь жарче огня
Огонь тушат водою
Любовь ничем нельзя
Галя: Нетрудно влюбляться
Не трудно любить
А трудно расстаться

И трудно не любить!

Конец.

Следом шли старинные, комсомольские и иные, не поддающиеся классификации песни: Катоки; Мы с тобой не дружили; Молодёжная; Матросские ночи; Прощальная песня; Голубой конверт; Играй, мой баян; Хороши весной в саду цветочки; Скалистые горы; Лазарет; Рябина; Пшеница золотая; Варяг; Комсомольцы – беспокойные сердца; Аринка; Наш край; Мы кузнецы; Эх, хорошо; Бескозырка; Юный барабанщик; Марш советских патриотов; Раскинулось море широко; Летят перелётные птицы.

Часть из них была известна Андрею, а часть он читал в первый раз в жизни. Особенно ему понравились слова: Тот, кто тревог не боится, Кто Сталина сердцем прочёл, Кто смело к победе стремится, Такие идут в комсомол.

И слова насчёт того, «и сияет орден Слава на Аринкиной груди». Периодически в тексте попадались следующие фразы, такие как: Вспомни нашу дружбу. Вспомни иногда, чем никогда.

Пролистав всю тетрадку, в конце её Андрей нашёл особого рода душещипательные тексты и сентенции, которые очевидно когда-то грели девичьи души:

Во саду ли, в огороде, пойте: (повторяются 5 строк 1-го куплета и 4 строки 2-го куплета, кончается песенка так: Её поёшь, всегда поёшь. Пам-пам. 10.12.56. Светлое Озеро.

«Жизнь... сделай из неё произведение искусства, вложи в неё весь свой талант; сыграй свою маленькую роль и будь готов уйти со сцены прежде, чем ты наскучишь публике». Крушение мира.

«Удел женщины – слёзы».

«Любовь частицей входит в жизнь мужчины, для женщины – вся жизнь в любви». Там же.

«Странная штука любовь, бывает так, что любить мучение и не любить тоже мучение»

Там же.

«Жизнь как река большая. Один на сухом месте отсиживается, в кусточках, другой у бережка барахтается, в осоке да тине, боится, как бы не унесло, а третий на самую стремнину выгребает». Дом на горе. Мусатов.

Хорошо, если собака – друг, но плохо, если друг – собака.

Мужчина не умеющий хранить тайны женщины, презреннейший негодяй.

Шути любя, но не люби шути.

Казаться легкомысленной, но быть недоступной – вот верх искусства!

«Чем меньше удобств, тем меньше потребностей, а чем меньше потребностей, тем человек счастливее». Жюль Берн. Дети капитана Гранта.

Тексты из прошлого, написанные ещё до того как мы появились хотя бы в проекте у наших родителей, – внезапно подумалось Андрею. Надо бы тоже оставить нечто подобное, чтобы какой-нибудь шестнадцатилетний пацан изучал написанное сегодня.

Он взял листок бумаги и записал на нём: Решая одни проблемы, мы неизбежно получаем другие, ещё более серьёзные и менее разрешимые. Так стоит ли решать проблемы. И потом полез за томиком стихов восточных поэтов, где нашёл следующие строки, прочитанные им ранее, но пригодившиеся сейчас, под сегодняшнее настроение.

Радость жизни – до тридцати лет,

К сорока – умерить надо работу.

Когда подойдёшь к пятидесяти, найдёшь ты слабость,

К шестидесяти – не найдёшь здоровья.

К семидесяти смерть мужчины красива,

К восьмидесяти подошёл – свалился с ног.

Девяносто – это безнадёжье жизни, о друг,
К ста подойдёшь – надоест тебе жизнь.

Раздался пронзительный звонок и Андрей, второпях сунув тетрадку в шкафчик трюмо, бросился к двери. Открыл, а там стоял улыбающийся Володя.

– Ну, как, не ждал?

– Давай заходи, чего в дверях стоишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.